

Сыну, ибо Он Сын, никто не придет, если сыном не станет; и там, где Сын пребывает, находясь в лоне и в сердце Отца Единым в Едином, никто не окажется, если не окажется сыном.

«Я, — произносит Отец, — должен ее в пустыню увлечь и там говорить к ее сердцу»⁹³⁸. Сердцем к сердцу, Единым в Едином любит Бог. Все то, что Ему посторонне и чуждо, Бог ненавидит. К Единому влечет Бог и тянет. Единого взыскуют все твари, даже низшие творения ищут Единого, и высшие на Единое смотрят. Из природы изъятые и преображенные, они взыскуют Единое в Едином, Единое в Нем Самом. Поэтому Сын, вероятно, хочет сказать: в Божестве сыном в Отце, где Я пребываю, должен быть тот, кто Мне служит, за Мною кто следует, кто приходит ко Мне.

А вот еще одно утешение. Надобно знать, что для всей природы немислимо что-то сломать, испортить либо потрогать, не помышляя при этом о большем благе того, что она трогает. Ей мало создать равноценное благо; она всегда хочет большее сделать. Как это? — Врач мудрый, он никогда не прикоснется к больному пальцу человека, так чтобы человеку причинить боль, если не сумеет самому пальцу или всему человеку сделать лучше и принести облегчение. Коль может он исцелить человека или палец, он сделает это; а если не так, то он палец отрежет, дабы человеку помочь. И это гораздо лучше — потерять только палец и сохранить человека, нежели обоим погибнуть, пальцу и человеку. Лучше одно зло, чем два, в особенности, если одно неизмеримо больше другого. Также следует знать, что по своей природе палец и рука и каждый член любит человека, чьим он членом является, гораздо больше, чем себя самого, и охотно, в радостном безрассудстве отдает себя на страдание и муку за человека. Сказать по совести и по правде, этот член вовсе не любит себя, разве что ради того и в том, членом кого он является. Посему было бы весьма справедливым, и для нас естественным образом было бы правильным любить себя не ради себя, а ради Бога и в Боге. И если так будет, будет нам легко и приятно все то, что Бог от нас и в нас ни захочет, особенно, если мы понимаем, что Бог не допустит какого-то малого урона и горя, если в нем не узрит и не заметит во много раз большей пользы. Воистину, если кто в этом Богу не верит, то он по заслугам мучается и страдает.

Существует еще одно утешение. Святой Павел говорит, что Бог наказует всех тех, кого Он принимает и берет в сыновья⁹³⁹. Одно имеет отношение к другому: если кто-то должен стать сыном, то ему подобает страдать. Поскольку в Божестве и в вечности Божий Сын не мог испытывать мук, небесный Отец Его отправил во время, чтобы Он стал человеком и смог испить горькую чашу до дна. Если ты хочешь быть Божьим сыном и все же не желаешь страдать, то нет в тебе никакой правды. В «Книге Премудрости» начертано, что Бог проверяет и испытует, кто праведен, как золото проверяют и испытуют и жгут в плавильной печи⁹⁴⁰. Вот признак того, что король либо князь рыцарю вполне доверяет, — если он его посылает в сражение. Я видел одного господина, когда он кого-нибудь принимал в свиту, то отсылал его ночью и сам на него нападал и с ним бился. И как-то случилось, что он был одним едва не убит, которого так решил испытать; и с тех пор он возлюбил этого ратника много больше, чем прежде.

Можно прочесть, как однажды в пустыне святой Антоний особенно жестоко страдал от злых духов; и когда он страсть свою превозмог, ему видимым образом явился Господь наш, исполненный радости. И говорил святой муж: «Увы, Боже мой, где же Ты был, когда я был в столь великой печали?» И сказал наш Господь: «Я был здесь, где теперь. Но хотел Я и жаждал увидеть насколько ты праведен»⁹⁴¹. Кусок серебра или золота достаточно чист, но если из него хотят сделать чашу, из которой король станет пить, то его прокаляют особенно, —